

СВЕРКАЮЩЕЕ МАСТЕРСТВО

10 января отмечается 100-летие со дня рождения А. Н. Толстого. Он прошел большой, сложный жизненный и творческий путь. Писатель в расцвете сил выступил с знаменательным признанием: «Октябрьская революция как художнику дала мне все».

Поэт, прозаик, драматург, сценарист, публицист. Вместе с тем он проявил себя как крупнейший общественный деятель. Был депутатом Верховного Совета СССР. Велик его авторитет в мире — поборника дружбы между народами, борца против фашизма и реакции. В годы Великой Отечественной войны его слово звучало особенно сильно, оно было нашим духовным оружием. Не-

2207
рой неожиданную наблюдательность, которая проявилась в его забавном слого, складе речи. И писала супругу, доброму отцу Алексею Аполлоновичу Бострому: «...Я очень осторожно стараюсь обращаться с его творчеством, ничего не говорю, как делать, а только критикую или одобряю». И завершала свое признание прямо-таки пророчески: «Увидишь, его творчество будет сильнее моего, и мне со временем придется перед ним преклоняться, что я и сделаю с великой радостью!». Это письмо без даты, но написано оно между осенью 1899 — весной 1900 гг.

Александра Леонтьевна Бостром, мать Алексея Николаевича, умершая в 1906 г., как писательница ныне почти совсем забыта; ее скромный дар померк в лучах славы сына. Тем более следует все же вспомнить, что ее трогательный рассказ «Рыжуха и волк» сравнительно недавно еще включался в популярный учебник «Родная речь».

Алексей Николаевич в ранней автобиографии (издания 1913 г.) писал о матери: «Я не знаю до сих пор женщины более возвышенной, чистой и прекрасной». Она воспитала в нем культ русской и мировой литературы, она в самарской глуши заботливо, бережно взращивала, как умела, его способности, предчувствуя необыкновенный талант... Поощряла дружбу с крестьянскими детьми...

Девятилетним ребенком он писал ей: «Стоят, мамутя, у нас такие холода, что вчера весь

пруд покрылся льдом и к обеду не растаял. Он очень толстый, индюшку удержит, пожалуй. Утром выпадает мороз, работники молотят в шубах, зипунах; которые сверх шубы чапан надевают...». А то и со смешинкой — как по рассеянности кухарки «приготовили вместо гусака индейку... потом пошли, посмотрели и распознали». Или как утром «у нас на столе поет самовар»... И т. д. Двенадцатилетним Алешей была написана «ода», посвященная домашнему учителю Аркадию Ивановичу Словохотову с концовкой:

Нижайше кланяюсь,
Твой ученик,
Ужасно толстенский
И озорник.

Это, как теперь известно, первый стихотворный «опыт» будущего поэта и прозаика... В печати же впервые появилось его стихотворение «Далекие» о политических ссыльных в Сибири — в декабре 1905 года в казанской либеральной газете «Волжский листок». С этой публикацией начался творческий путь А. Н. Толстого.

...В 1910 году на молодого писателя обратил внимание А. М. Горький, назвав его в следующем году «писателем несомненно крупным, сильным и с такой правдивостью изображающим психическое и экономическое разложение современного дворянства». В январе 1914 года большевистская газета «Путь правды» в статье «Возрождение реализма» называет имя Ал. Толстого в числе писателей-реалистов.

даром писатель был зачислен почетным бойцом одной из гвардейских дивизий.

Алексей Николаевич внес свой вклад в дело народного просвещения. По его инициативе перед Учпедгизом был поставлен вопрос об издании учебника по истории литературы народов СССР, в 1940 году Детиздат выпустил том русских сказок в обработке и с предисловием А. Н. Толстого. Он был действительным членом Академии педагогических наук РСФСР.

Взыскательный художник, А. Н. Толстой оставил огромное культурное наследие. Идут годы, а любовь читателей к его произведениям не иссякает.

Пришло читательское признание. Но требовательный художник не был удовлетворен собственным мастерством, казалось, будто слово — его материал — ускользало из рук. Не давалось; фразы как бы рассыпались, были случайны, приблизительны.

К. И. Чуковский рассказывал: «Иногда его юношеское простодушие доходило до крайности и могло бы вызвать улыбку у многих мудрецов, которые, однако, не написали ни «Детства Никиты», ни «Петра», ни «Хождения по мукам».

Как-то даже странно читать такую заповедь, с которой он обращается к самому себе:

«Желая описать изящный, красивый или нежный предмет (речь здесь идет о начале 900-х гг. — С. Ш.), нужно подбирать слова, ласкающие слух, и, например, слово *девушка* красивее слова *дева* или *девица* (курсив Толстого) потому, что в первое значение входит суффикс *ушк*, напоминающий по ассоциации идей слово *душа*».

В том-то и дело, что он отнюдь не сразу овладел секретом особого — *алмазного* — языка. Он писал: «...Этим-то единственными, законченными фразами и должен оперировать художник. К этим единственным законченным фразам он должен стремиться — к алмазному языку.

Как же приблизиться к алмазному языку? Как найти его? Законов этого языка нет. Грамматики такого языка нет, и сочинить ее нельзя.

Но такой алмазный язык существует».

В основе его — живой народный сказ, фольклорная речь, богатейшая лексика классиков...

Как же быть? Как ухватить перо Жар-птицы? Щедрый мастер не таился. Не зарыл в землю свое сокровище.

Он поделился этим секретом в сборнике «Как мы пишем» (1930 г.): «В человеке я стараюсь увидеть жест, характеризующий его душевное состояние, и жест подсказывает мне глазом, чтобы дать движение, вскрывающее психологию.

...Работать над стилем — значит... уточнять определения и глаголы, затем беспощадно выбрасывать все лишнее: ни одного звука «для красоты». Одно прилагательное лучше двух, если можно выбросить наречие и союз — выбрасывайте. Отсеивайте весь мусор, сдирайте всю тусклость с критического ядра. Не бойтесь, что фраза холодна, — она сверкает».

Поэт, умный, тонкий, Валентин Берестов вспоминает:

— Как-то, чуть ли не в присутствии Толстого, я сочинил такую строчку:

Лесные тропы вымощены льдом.
— Похоже на правду, — проворчал Алексей Николаевич (у него сразу испортилось настроение), — и все-таки сочинено, придумано черт знает для чего.

В другой раз я прочел ему стихи о конце лета. Он одобрил строчки:

Пыльный стог линяет на поляне,
Отчужденно светится река...

Я удивился, почему это ему понравилось, а строка о лесных тропинках нет.

— «Отчужденно светится река»... Сегодня взглянул на реку и подумал: «А ведь скоро прощай купанье!». В строчку влезло описание и чувство.

Илья Сельвинский свидетельствовал, говоря о толстовских пристрастиях, что Алексей Николаевич высказывался так:

— Помните у Бунина в воспоминаниях есть гимназист, который о море написал: «Море было большое». Чехов говорил, что это прелесть. Действительно, вот как надо писать! А мы мучаем бедного читателя всякими метафорами да эпитетами.

Тут мастер чуточку шутил, но он-то читателя не мучил.. Он сказал одному собеседнику: «Только теперь понял, как надо писать. Теперь в этом нет для меня никакого труда, — одна радость». Тут мастер чуть лукавил: труд был — и великий, неустанный труд, но радость была именно в труде.

Рассказал я об этом своему другу учителю химии, знатоку своего дела, он выслушал, улыбнулся и промолвил:

— Да, Алексей Толстой!.. Мастер был.. Одно название романа «Черное золото» звенит ведь и сверкает...

...Он сидит в кресле в сквере у Никитских ворот, бронзово неподвижен, а вокруг — для кого невидимо, а для кого зримо — высятся и роятся созданные им персонажи, герои, образы — и среди них озорной, длинноногий деревянный мальчишка, который «загнал» свою азбуку за билет в театр и обрел потом золотой ключик — символ счастья.

Академик и кудесник, чудотворец алмазного слова!..

ВЕЛИКИЙ русский советский писатель!..

Вспомним же великолепное начало «Петра Первого»... и наши подсчеты — существительных, глаголов, прилагательных, наречий. Впрочем, не в подсчете дело, а в том, что и фразы сверкают, и снега за пределами бровинской избы тоже сверкают, хотя об этом ничего, кажется, не говорится...

Это и есть мастерство! В него веришь безгранично. Им восхищаешься неустанно.

С. ШИПОВСКИЙ.